

*Можно сказать по-диккенсовски:
у нас всё было впереди — у нас ни-
чего не было впереди.*

Павел Антокольский.

Из цикла очерков «Современники»

В «московский, чумной, девятнадцатый год» в «чердачном дворце» Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке сошлись поэты и актёры, романтические студийцы вахтанговцы. Все молодые, талантливы, влюблены. Любовь — главная героиня романтической поэмы — спектакля «Марина! Какое счастье!», поставленном заслуженной артисткой России Ниной Мещаниновой в театре «Комедианты» по мотивам дневников Марины Цветаевой и её «Повести о Сонечке». Любовь, зарифмованная временем с разлукой, чередой потерь и страданий. «Я хочу воскресить весь этот мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я не даром жила!» — писала Цветаева о событиях «зеркального» 1919 года, на излёте Серебряного века.

Кто эти — «все они»? Павел Антокольский (Евгений Талашманов), лучший из поэтов тогдашней Москвы, он стал учеником Цветаевой, её любимым собеседником. Его друг — щёголь, «человек успеха», актёр Юрий Завадский (Виталий Ковалёв), эгоист, окружённый сонмом поклонниц, к которым быстро остывает. «Прохладный он у нас», — говорит его старая няня. «Прохладный он у вас, — вторит ей, влюблённая в образ Комедьянта, Цветаева (Екатерина Культина). — Зеркало — тоже прохладное». Совершенная противоположность Завадскому — студиец Володя Алексеев (Константин Красиков), бесконечно чуткий, бережно относящийся к таланту в высшем его проявлении — в таланте человечности и любви. На вопрос Цветаевой, хороший ли актёр Завадский, Володя отвечает, что хороший: «На свои роли, то есть

там, где вовсе не нужно быть, а только являться, представлять, проходить, произносить».

К «ним» относится и режиссёр Вахтанг Мчаделов (Андрей Никитинских), руководитель студии, и Аля, дочь Цветаевой (Алиса Мынай), и актриса Сонечка Голлидэй (Лауреат премии «Золотая маска» Мария Смольникова). Сонечка... — комнатный цветок, выставленный на морозном ветру. Сентиментальная, несчастная в любви, беспомощная и незащищенная, при этом наделённая сверхчувствительностью. Она — преломление самой Цветаевой, её идеала женщины — гордой, самовлюблённой и любящей, наивной и одновременно мудрой.

Спектакль о Любви на фоне рухнувшего мира. Однако изменила ли катастрофа что-нибудь по существу? Изменился ли человек? «Вот, мир рухнул, — восклицает Володя Алексеев, — от старого не осталось ничего, а это — вечно: стол — и на нём танцующая пустота, танцующая вопреки — вопреки всему, пустота — вопреки всему: всему — уроку».

Не случайная эта переключка начала XX и XXI веков?

Сам Чёрт изъявил мне милость! / Пока я в полночный час
На красные губы льстилась — / Там красная кровь лилась.

Пока легион гигантов / Редел на донском песке,
Я с бандой комедиантов / Браталась в чумной Москве.

«Комедьянт». Март 1919

Нетрудно провести параллели с сегодняшним днём, заменив в строке «донской песок» — на «донецкий». Мир не меняется в сущности, даже если он «рухнул»; всегда и неизменно — гиганты льют кровь и танцует пустота. Нам, вдруг не узнавшим себя и страну в «зеркальном» 1991 году, увиденное тогда заставило по-иному взглянуть на Гражданскую войну. Если в советское время предпочтительным считался взгляд романтических «комиссаров в пыльных шлемах», то реалии новой России научили видеть переломное время глазами героев пушкинского «Пира во время чумы» — поющих пред оскалом смерти.

Нине Мещаниновой и коллективу актёров удалось воскресить «весь этот мир» — kloкочущий, поющий и танцующий, рыдающий и смеющийся, — с высоты цветаевского чердака следивший страшный путь Революции. Больше того, воскресший в спектакле, он предстал близким и сочувственным современному зрителю. «По существу же, — писала Марина Цветаева, — действующих

лиц в моей повести («Повести о Сонечке» — А. М.) не было. Была любовь. Она и действовала — лицами».

Действительно, при отсутствии драматургической основы спектакля на сцене разворачивается полноценное, захватывающее действие. Оно живёт, благодаря удивительному и проникновенному воссозданию подлинности времени, места, поэзии и — Любви, — воплощённым мастерством сценографа (Заслуженный художник России Александр Орлов), художника по костюмам (Яна Глушанок), композиторов (Заслуженный деятель искусств России Владимир Дашкевич и Екатерина Блинова), звукорежиссёра (Руслан Мазавин) и мастеров видео-арта (Тимофей Мокиенко и Анна Амплеева).

Спектакль показал одну особенность Марины Цветаевой — способность идеализировать людей, не обольщаясь. «Им, кроме Володи, я вся — льстила, — писала Цветаева в «Повести о Сонечке». — Я их — любила». Это признание становится своеобразным стержнем спектакля.

Нина Мещанинова

Павел Антокольский вспоминал о Цветаевой: «Её пылкие и восторженные привязанности возникали внезапно и исчезали бесследно. След от них оставался только в стихах». А не в стихах она признавалась: «В Москве 1918–1919 г. Из мужской молодёжи моего круга — скажем правду — осталась одна дрянь. Сплошные “студийцы”, от войны укрывающиеся в новооткрытых студиях... и дарованиях». Изо всей этой творческой молодёжи лишь один Володя Алексеев отправился на Дон: «Марина Ивановна, мне здесь больше делать нечего. Здесь — не жизнь. Мне здесь —

не жизнь. Я не могу играть в жизнь, когда другие живут. Играть, когда другие умирают. Я не актёр».

Герои спектакля, так или иначе, все — отражения самой Марины Цветаевой, мятущейся, суровой и нежной. Актрисе Екатерине Культиной, на мой взгляд, удалось передать состояние своей героини — чувство Любви женщины, трепещущим пламенем свечи на ледяном ветру освещающим Одиночество поэта. Отражение этого пламени мы видим/слышим в образе Цветаевой, созданном Ниной Мещаниновой, в её проникновенном пении и монологах. Ими пронизано действие, они — напоминание, что «она оставалась мужественна и сурова до конца, не обольстилась и не разочаровалась, она лишь прожила эти годы — сто мудрых лет» (П. Антокольский).

«Есть ли сейчас в России (...) настоящий созерцатель и наблюдатель, который мог бы написать настоящую книгу о голоде (...), о человеке, у которого нет и который даёт (...) и, наконец, обо мне: поэте и женщине, одной, одной, одной — как дуб — как волк — как Бог — среди всяческих чум Москвы 19 года», — писала Цветаева зимой 1919/1920 г.

Такой своеобразной книгой, читаемой на одном дыхании, стал спектакль «Марина! Какое счастье!».

Санкт-Петербург

Памяти М. Ц.

*Поговорить бы хоть теперь, Марина!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый,
Как вестник торжества и вестник бед.
При жизни не пришлось. Не я виною.
Литература — приглашенье в ад,
Куда я радостно входил, не скрою,
Откуда никому — путей назад.
Не я виной. Как много в мире боли.
Но ведь и вас я не виню ни в чём.
Всё — по случайности, всё — по неволе.
Как чудно жить. Как плохо мы живём.*

Георгий Адамович